

Каждый день и вся жизнь

Народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Майя Плисецкая — гость столицы Грузии. Гастроли балерины — яркое и волнующее событие в культурной жизни республики. В программе двух вечеров на сцене Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили — одноактный балет «Кармен-сюита» Бизе — Щедрина, адажио из балета «Гибель розы» Г. Малера с участием М. Плисецкой, а также балет «Шопениана». Партнеры балерины — заслуженный артист РСФСР Сергей Радченко, артисты Борис Ефимов, Виктор Барыкин и балетная труппа Тбилисского театра.

Корреспонденты «Зари Востока» встретились с Майей Михайловной во время репетиции.

...Андрей Вознесенский назвал Майю Плисецкую «полюсом магии». Магия обаяния балерины возникает с первой же секунды ее появления или, точнее сказать, Явления. Жест, лицо, движение — власть этой удивительной гармонии непостижима. Каждая встреча с ней не просто волнует, она живет в памяти, врезаясь, входя в жизнь острой эмоциональной взрыв, ликующей радостью общения с высоким искусством. Объяснима ли ее поразительная способность завораживать зрителей, собеседников? Да... Разгадка (хотя возможно ли разгадать до конца эту тайну неповторимого природного артистизма?) — в неразличимости границ между искусством и жизнью, в незаурядном мастерстве, высочайшем художественном даровании.

— Майя Михайловна, мастерство — понятие чрезвычайно объемное, и, наверно, у каждого творца свои критерии для его определения...

Да, это действительно растяжимое понятие. И, пожалуй, не будем сейчас обсуждать все его стороны. Скажу главное. Мастерство появляется после долгой, упорной, изнурительной работы. Оно не приходит с первого дня. Я думаю, что в данном случае не стоит выделять мастерство артистов балета. Мастерство — в любой работе. С годами приобретается опыт в любой специальности. Ну, а критерий? Они всегда индивидуальны.

Как-то Плисецкая сказала, что начало длится всю жизнь. Что подразумевает под Началом? Это дебюты. Репетиции. Премьеры. Поиски и раздумья. Это утро каждого дня.

Однажды, вспоминая о «дебюте» прославленной балерины, ее мать — знаменитая киноактриса 20-х годов Ра Мессерер рассказала, что первое публичное выступление Майи состоялось... в два года восемь месяцев. Девочка выскользнула из квартиры и убежала на Сметенский бульвар и там, в уличной толпе, под звуки вальса из балета «Коппелия», который передавали по радиопроктору, с упоением танцевала. Сама же Майя Михайловна не склонна считать, что даже ее первое выступление на сцене как артистки Большого театра было дебютом. Потому, что балет в ее жизни был всегда и сейчас уже трудно сказать, когда было Начало.

— Какое из эмоциональных потрясений, связанных с балетом, у Вас на памяти?

— Их много. Но это прежде всего связано с именем прославленной Семёновой. Помню, как еще в балетной школе мы, ученицы, пробирались в театр, затесавшись среди взрослых. Это называлось «идти на протырк», по течению, потому что билетеры тогда стояли по одну сторону входа. И какое же это было счастье — попасть на спектакль!

Пригласенный свет в полупустом зале... Идет репетиция. Луч выхватывает на сцене статичную, казалось бы, фигуру. Но в этой статике — удивительность движения, в каждой детали — музыкальная живопись. Репетиция то и

дело прерывается, но движение мысли неостановимо. Как ощутимо то, что нервы, сердце, мозг заняты одним — созданием, лепкой образа. «Гибель розы» на музыку Г. Малера создана специально для Майи Плисецкой французским балетмейстером Роланом Пети по мотивам стихотворения Уильяма Блейка. С «пылающей короной закатного солнца и мерцанием вечерней звезды» сравнивал образ, созданный балериной, известный советский хореограф Касьян Голейзовский.

— Майя Михайловна, процесс учебы, или, вернее, познания длится всю творческую жизнь...

— Конечно. Всю жизнь, непрерывно, каждый день. И каждый ушедший день меня не удовлетворяет. Возникает досада на что-то, сделанное не так. Я сама себе никогда не могу угодить. И сама же страдаю от этого. Когда я обдумываю то, что сделано мной, — всегда нахожу что-то, что меня не удовлетворяет.

Всегда и особенно сейчас я досаую на то, что мне не пришлось заниматься у Вагановой. Сейчас ощущаю, как мне нужна была ее грамота.

Героини Майи Плисецкой — это беспредельный мир чувств и судеб. Драматизм и праздничность красоты. Жизнь и смерть. Головокружительный триумф искусства. Искрометная Китри в «Дон Кихоте», хрупкий и гибкий Лебедь с руками, струящимися, как лунный свет, мятежная Лауренсия, трагичная Мехме-ме Бану в «Легенде о любви», гордая и самолюбивая Зарема в «Бахчисарайском фонтане», непокоренная Анна Каренина, играющая Царь-девица в «Коньке-горбунке» и, конечно же, Кармен — обжигающая силой своей внутренней свободой.

— Мы привыкли к тому, что Плисецкая — это всегда новизна, это всегда открытие новых творческих горизонтов. Не так давно Вы «внезапно» стали балетмейстером...

— Это пришло тогда, когда остро возникло желание создать свою Анну Тую, какой я ее ощутила у Толстого. Хотелось дать свою интерпретацию,

иную, чем я видела до этого. Отчасти толчком к этому послужил фильм «Анна Каренина». То, что я жила какое-то время в толстовской атмосфере, открыло мне мою Анну. Ту, о которой говорил Толстой и которую мне хотелось выразить пластически. Сколько было разговоров о том, что Толстой не поддается пластическому воплощению. Это не так. И я это остро чувствовала. Помните, как описывает Толстой поворот ее головы, руки, жесты — все в этом романе пластично и выразительно. Как много опер, кинофильмов, спектаклей было посвящено Анне. Но во всех них отсутствовало то, что стало главным для меня, — помните, мужик, которого видят во сне Анна и Вронский, тот, что появляется в начале романа, как дурное предзнаменование, как рок, судьба. Эта линия стала одной из основных в балете. Эпиграф к роману стал своеобразным ключом к раскрытию образа. «Чайку» я делала совершенно самостоятельно. У меня было великолепное либретто Родиона Щедрина. Балет был как бы задан музыкой. Я видела его. И замечательные декорации Левентала позволили мне жить в духе той эпохи. Помню, как после премьеры мне позволила внучата племянница А. П. Чехова — Евгения Михайловна Чехова и сказала: «Майя, я вспомнила свое детство». Значит, удалось главное — сохранить дух Чехова.

...Репетиция продолжается. Кармен — разве остались еще слова, которые не были бы подарены этому образу, созданному Майей Плисецкой! Кармен — и сколько новых чувств, новых слов рождает каждая встреча с ней!

— Вы танцевали Кармен на многих сценах мира, а сейчас впервые и вместе с тем в который раз Кармен на сцене Тбилисского театра оперы и балета!

— Я, к сожалению, не считаю своих спектаклей. Наверное, более ста. Что для меня Кармен? Это, во-первых, осуществление моей мечты. Во-вторых, балет, впервые созданный специально для меня. Его поставил Альберто Алонсо. Мне кажется, что это великое дело — создавать балет специально для балерины.

— Майя Михайловна, о притягательной силе советского балета говорят много. Сегодня в Большом театре есть молодое и талантливое поколение. Вы приехали с тремя его представителями. Расскажите о них...

— Сила советского балета — в продолжении традиций выдающихся мастеров. А притягательность — это то, что во всем мире называют «душой исполненного полета».

Мои партнеры — это Сергей Радченко. Он характерный танцовщик. Ему особенно хорошо дается испанская тема. Алонсо ставил Тореро, ориентируясь на Сереху. И с тех пор, с первого спектакля, Радченко — единственный исполнитель этой роли.

Виктор Барыкин — один из ведущих танцовщиков театра. Он очень многогранен — у него большой диапазон: и классика, и современность.

Борис Ефимов. У артиста — прекрасные данные, высокий полетный прыжок. Сейчас он танцует со мной в «Гибели розы». Считаю, что ему удался Вронский. Он четырежды танцевал эту партию.

— Майя Михайловна, что связывает Вас с грузинским балетом!

— Прежде всего встречи с Вахтангом Чабукиани. Впервые вместе мы танцевали в «Дон-Кихоте». А было это так. Вахтанг Михайлович приехал танцевать с Лепешинской. А мне пришлось в спектакле заменить Черкасову, танцевавшую прыжковую вариацию в последнем акте. И после «гран-па» на мою долю выпал огромный успех. Спектакль неожиданно остановили. Минут двадцать пять мне пришлось выходить на поклон, а Вахтанг Михайлович, ожидая своего выхода, «сердилась» за кулисами, так как «костюм» перед своей вариацией. Уже в следующем спектакле мы танцевали вместе. А потом была «Лауренсия»...

...Репетиция окончена. Впереди — спектакль, который волнует и исполнителей и зрителей.

Марина МАМАЦАШВИЛИ,
Инна ФРИДКИНА.